



возможные средства защиты от негативных информационных воздействий. Именно СМИ несут основную ответственность за формирование личностных и гражданских качеств, способных противостоять информационным угрозам¹⁹.

Таким образом, мотивом для рассмотрения СМИ как фактора обеспечения информационной безопасности служат следующие основания.

Во-первых, они обладают необходимым потенциалом для противодействия угрозам нарушения конституционных прав граждан в информационном обеспечении, то есть прав человека и гражданина на получение достоверной информации.

Во-вторых, с помощью СМИ обеспечивается цивилизованная, демократическая состязательность политических партий и различных политических сил.

В третьих, СМИ обладают большим потенциалом по достижению и поддержанию общественного согласия, по демократизации общественных отношений и гармоничности общественного развития.

В четвертых, в условиях открытого общества СМИ способствуют поддержанию прямой связи государства с гражданским обществом и обратной – гражданского общества и государства. Кроме этого СМИ являются центральным элементом механизма информационной политики государства.

При широких возможностях и правах СМИ в демократическом обществе существуют ограничения их информативного статуса, связанные

с наличием в информационной сфере конфиденциальной информации, с введением военного или чрезвычайного положения.

Примечания

- ¹ Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» от 10.10.1995 // СМИ и закон. М., 2004.
- ² СМИ и выборы / Под ред. О.И. Ляхович, С.Г. Колесник. М., 2001. С. 85.
- ³ Федеральный закон «О политических партиях». Ст. 32. п. 1. // Рос. газ. 2601. 14 июля.
- ⁴ Федеральный закон: «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Ст. 60. п.1 // Рос. газ. 2002. 22 дек.
- ⁵ См.: Мишелетти М. Государственное управление в демократическом обществе. СПб., 1998. С. 33.
- ⁶ Соловьев А.И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи // Полис. 2004. № 2. С. 129.
- ⁷ Попов В.Д. Информациология и информационная политика. М., 2001. С. 24.
- ⁸ Прохоров Е.П. Проблемы СМИ в доктрине информационной безопасности // Глобальная информатизация и безопасность России. М., 2001. С. 207.
- ⁹ Стрельцов А.А. Информационная безопасность духовной жизни общества // Вестн. рос. Об-ва информации и вычислительной техники. 1996. № 4. С. 50.
- ¹⁰ Смолян Г.Л. Информационно-психологическая безопасность. Определение и анализ предметной области. М., 1997. С. 9–10.

УДК 323.232

МЕТАФОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю.А. Мартынова

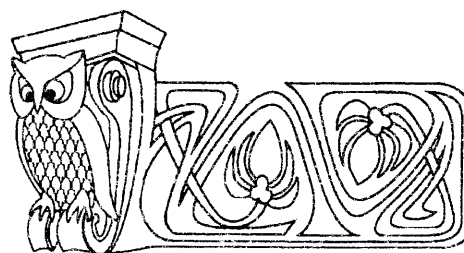
Саратовский государственный университет
Кафедра английского языка и межкультурной коммуникации
E-mail: martynovayu@mail.ru

Статья посвящена анализу современного политического дискурса. В частности, в ней рассматривается роль метафоры в политическом тексте русских и англоязычных средств массовой информации. Подчеркивается особенность метафоры в качестве когнитивного феномена влиять на восприятие человеком тех или иных социальных событий или явлений и формировать их оценку.

Metaphor in Modern Political Discourse

Yu.A. Martynova

This article is devoted to the analysis of the modern political discourse. In particular, it considers the role of metaphor in Russian and English



mass-media political texts. The ability of metaphor as a cognitive phenomenon to influence a person's attitude to different social events and form the evaluation of them is underlined.

В современном мире диалог властных и гражданских структур реализует себя в политических текстах, которые транслируются с помощью информационных технологий. Традиционные носители политического влияния в обществе – партии – уступают ведущее место СМИ, которые в последние два-три десятилетия переживают настоящую революцию, осваивая новые методы общения с гражданами: пиар-технологии, политическую рекламу, виртуальное общение с по-



мощью всемирной сети и т.п. Средства массовой информации настолько активизировали свою деятельность, что с полным основанием рассматриваются как источник социальной власти. При этом важнейшую роль продолжает играть политический дискурс, который является основным средством выражения установочных идей и программ различных ветвей власти.

Идеи, теории и взгляды, которые отражают и оценивают действительность с точки зрения интересов определенных политических сил, составляют основу деятельности этих сил, стремящихся изменить действительность соответственно своим потребностям. Ведущие политические силы делают все возможное, чтобы собрать как можно большее число своих единомышленников и привлечь на свою сторону больше новобранцев. Язык становится инструментом влияния на людское сознание и манипулирования им.

В силу указанных причин политический дискурс в последние годы все больше интересует исследователей, так как анализ политических текстов позволяет составить мнение о состоянии общественного сознания, выявить актуальные социально-политические проблемы и преобладающие политические установки. Явление политического дискурса относится к сфере деятельности многих наук, поэтому его изучают представители социологии, социальной психологии, культурологии, специалисты по теории массовой коммуникации, теории воздействия и политологии.

Особенный интерес и актуальность в настоящий момент приобретает и сравнительное изучение политических дискурсов разных национально-культурных общностей. Процессы глобализации, охватившие современный мир, ставят все новые проблемы, касающиеся межкультурной коммуникации, международного сотрудничества и взаимопонимания. Сопоставление же английского и русского политических языков представляется немаловажным и с той точки зрения, что английский и русский – это языки сверхдержав, во многом определяющих мировую политику.

В рамках изучения языка средств массовой информации, а именно текстов политической направленности, проблема метафорического изложения понятий не перестает привлекать к себе внимания исследователей. Как отмечают Д. Лякофф и М. Джонсон¹, этот феномен относится не только к области формы выражения мысли, но и к когнитивной сфере, к способам обработки знаний. Эта особенность метафоры позволяет при ее использовании в речи влиять на восприятие тех или иных социальных событий или явлений, а также формировать их оценку². Другими словами, метафоры способны структурировать мышление человека, создавать его модель мира, что активно используется в процессе политической пропаганды.

Механизм действия метафоры состоит в том, чтобы осуществлять процедуру обработки знаний, превращая неизвестное в известное, либо изменяя онтологический статус знания: «метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей»³. Излагая метафорически свою позицию, можно заставить человека вступить в процесс переработки знаний, т.е. принять новое знание, существенно изменив или вообще отказавшись от имеющегося раньше.

Другими словами, при метафорическом осмыслении действительности возможны два варианта. В первом случае разрушаются старые, привычные представления о каком-либо фрагменте действительности и строятся новые, соответствующие текущему моменту. Для наглядности приведем примеры, хронологически разделенные почти двадцатилетием, начала эпохи перестройки и цитаты из сегодняшних газет: «Во всяком случае, новые руководители МВД СССР впрягаются в нелегкую телегу, причем в то время, когда наш растрепавшийся по дорогам строительства коммунизма обоз пытается перебраться через бурный поток переходного периода в неведомый рынок» (И. Маймистов). Или там же: «Они будут строить свой социализм с человеческим лицом, плюралистичный – у него будет столько лиц, сколько будет лиц у президентов и генеральных директоров номенклатурных концернов и СП» (Л. Радиковский)⁴. Люди, читая эти строки, проникались убеждением, что то, что они делали в прежние годы – правильно, только теперь, под воздействием новых обстоятельств, нужно немного изменить курс, но продолжать делать то же самое: строить тот же социализм, но «с другим лицом», и «через бурный поток» нужно не самим перебираться, а перетаскивать все тот же «обоз социализма». Сравним с вышеприведенными примерами метафоры, заполняющие нашу прессу в сегодняшние дни: «А может, Путин просто политическую систему страны выстраивает. Сверху. Все ведь мечтали в начале 90-х построить цивилизованное общество с нормальной политической (читай партийной) системой. Но... думали, само вырастет. Общество-то. Как дерево. На ровном месте. Даже поливать не надо. Было б желание.

Не получилось.

Не выросло само»⁵. Общество сравнивается с растением, с деревом – тем самым подчеркивается процесс становления его, незавершенность и незащищенность в то же время: если не ухаживать за растением, не поливать его, то оно может погибнуть.

Точно такую же роль – корректировки понятий – метафоры выполняют и в других языках, в частности в английском, говоря о трудностях и нелегких решениях, которые приходилось принимать администрации Джеймса Картера, газета



«Нью Йорк Таймс» писала: «He, Carter, is still not ready to admit that some of these things – like 4 percent inflation and a balanced budget – are irreconcilable. It's terribly painful for him... There's a reluctance on his part to *bite the bullet* (здесь и далее курсив мой. – Ю.М.) and make the hard choices» (Он, Картер, все еще не готов признать, что некоторые из этих вещей – 4-процентную инфляцию и сбалансированный бюджет – невозможно примирить. И это очень болезненно для него <...> Он сопротивляется необходимости *стиснуть зубы* и принять трудное решение)⁶.

В двух следующих примерах прослеживается развитие образа *balance of power* (равновесие сил). Например, в речи У. Черчилля, который призывал Англию объединить силы с США, встречаем: «There will be no quivering, precarious *balance of power* to offer its temptation to ambition or adventure. On the contrary there will be an overwhelming assurance of security» (Не будет шаткого, сомнительного *равновесия сил*, способного вызвать искушение удовлетворения амбиций или авантюризма. Напротив, это будет всеобъемлющая гарантия безопасности). Через двадцать лет Дж. Кеннеди снова обыграл выражение «баланс сил» в своей инаугурационной речи: «In his 1961 inaugural, John F. Kennedy called on both sides in the Cold War to “join in creating a new endeavour – not a new *balance of power*, but the weak secure and the peace preserved» (Во время своей инаугурации 1961 года Джон Ф. Кеннеди призвал обе стороны в холодной войне: «объединить усилия по созданию нового существования – не добиваться нового *равновесия сил*, а предпочесть хрупкую безопасность и мир»)⁷. Образ, вызываемый метафорой в сознании человека, позволяет примирить старое и новое знание, приспособить новое к уже имеющемуся в сознании, лишь видоизменив его.

Во втором типе употреблений метафора служит для оформления еще не структурированного понятия, которое еще не подвергалось категоризации и исходно воспринималось как абстрактная сущность. Эпоха перестройки, породив множество новых проблем, дала рождение и многим новым метафорам: «путь преобразований», «крутые подъемы и повороты перестройки», «перевал в истории страны», «эпоха климакса», «великая говорильня» и др. Авторы сегодняшнего дня, которые беспокоятся о сохранении демократических принципов, пишут: «Российское общество еще очень молодо. Ему надо учиться ходить, причем другими дорогами – дорогами западной цивилизации. Уже появилась новая прослойка молодых людей. Но они “беспамятны”, что очень опасно: они могут не заметить витка назад, который может сделать общество, не почую опасность завинчивания гаек. Им будет казаться, что это просто стабильность, а не начало тоталитарного режима»⁸. Здесь российское общество сравнивается с ребенком, который только учится

ходить. Подчеркивается его новизна, отличие от старого общества.

Другая злободневная ситуация – передача президентских полномочий преемнику – находит отражение в политических текстах современных газет: «Есть надежда, что в 2008 году опасных политических сюрпризов не будет. Два высших поста государства займут единомышленники, соратники, птенцы одного питерского гнезда»⁹. Метафора «птенцы одного гнезда» настраивает читателя на то, что президент и его преемник – величины одного порядка, и должна вызывать положительные эмоции.

И в английском языке метафора помогает осмысливать новые явления общественной жизни в эпоху кризисов и общественных катаклизмов. Так, описывая дебаты между демократами и республиканцами, газеты употребляли выражение «бить в барабаны», что означает «поднимать шумиху, много говорить, хвастаться»: «Democratic Senator Patric Leahy from Vermont was *beating the drums*. “We can enforce our environmental laws or ignore them”, he railed. “Thus far, the Administration has done every possible to ignore them”» (Сенатор от демократической партии Патрик Ли из Вермонта *поднял шумиху* по этому поводу: “Мы можем усилить наши законы по охране окружающей среды или игнорировать их, – негодовал он, – и таким образом администрация сделала все возможное, чтобы игнорировать их”)¹⁰. Отсутствие взаимопонимания между различными поколениями, классами, политическими группировками описано с помощью метафоры «communication gap» (пропасть, разрыв в общении): «...our modern Technological society is now so complex that its problems can only be managed by innumerable cadres of specialists. As a result there is a growing gulf – a widening “*communication gap*” – between the governors and the governed» (...наше современное технологическое общество сейчас настолько сложное, что его проблемы могут решаться лишь бесчисленными кадрами специалистов. В результате мы имеем растущую пропасть – расширяющийся “*коммуникационный разрыв*” – между теми, кто управляет, и теми, кем управляют)¹¹. Современный английский политический текст также пестрит метафорами: «Many of the critics of the Bush administration’s handling of the war *have pointed fingers at Mr. Bremer’s tenure at the CPA*, asserting that *his early missteps* <...> set the stage for the turmoil in Iraq today» (Многие из тех, кто критикуют военную деятельность администрации Буша, *особенно выделяют* роль м-ра Бремера, пребывающего в должности экономического эксперта, указывая на то, что его *неверные шаги* (...) привели Ирак к тому состоянию беспорядка, в котором он находится сегодня)¹². Такие выражения, как «указывать пальцем», «неверные шаги», настраивают читателя на отрицательное восприятие деятельности описываемого политического деятеля.



Сравнение политических текстов, разделенных некоторым временным промежутком, демонстрирует повторяемость образов. Как двадцать-тридцать лет назад, так и сегодня журналисты, аналитики и политологи эксплуатируют метафорические модели *организма, растения, войны, строения* и другие. Как показывают исследования, цитируемость метафор очень важна, так как она задает не только тему обсуждения, но и ее предварительную оценку. Упоминание знакомых образов, оформленных привычными словосочетаниями, мгновенно вызывает в сознании адресата определенную политическую ситуацию. Вот, например, как комментирует политический обозреватель АиФ сегодняшнюю обстановку в России: «Ведь, сколько бы ни говорили про стабильность, российская реальность заставляет держать ухо востро. Партийная система еще не вышла из младенческого возраста и нуждается в пригляде. Оппозиция хоть и ослаблена, но временами «кусается». Олигархи (как сбегавшие за границу, так и притихшие на родине) живут с булыжником за пазухой. Да и в кругу соратников то и дело вспыхивают стычки – аресты генерала А. Бульбова и замминистра финансов С. Сторчака стали сигналами нешуточных разборок внутри властных элит»¹³. Здесь «партийная система» – «младенец», «оппозиция» – «зверь, возможно, собака, которая кусается», «олигархи» – «хулиганы, которые держат камень (булыжник) за пазухой», а «соратники», т.е. люди, стоящие у власти, ведут себя как бандиты девятидесятых годов: устраивают стычки и разборки. Метафоры, с помощью которых построен данный текст, создают обстановку тревожности и опасности.

Такую же роль играет метафора *войны* в английском политическом тексте (*enemy – враг, threat – угроза, to unite – объединять, alliance – союз, to be provocative – провоцировать*): «Actually, this time there are reasons to worry. For one, life just isn't the same without a common enemy to unite us. <...> But the greatest threat to the Atlantic alliance today comes not from American unilateralism but rather European disarray and resentment» (Фактически, на этот раз есть причины для беспокойства. Во-первых, жизнь теперь совсем не такая, когда нет общего врага, чтобы объединить нас. ...Но самая большая угроза для Атлантического союза исходит сегодня не от американской односторонней политики, а скорее от европейской разобщенности)¹⁴.

Напротив, метафора *дома*, например, настраивает читателя на позитивный лад, говорит о необходимости созидательной деятельности и сотрудничестве: «И ровно суток в новом качестве хватило Медведеву, чтобы понять: э-ге-ге, как бы не переборщили! Так, не ровен час, можно и голову потерять. И не только от внезапно обрушившейся на нее славы. Вот и попросил он Путина помочь оправдать свое же доверие. И очень правильно сделал. Не совладать одному с таким огромным и

таким сложным хозяйством, с множеством мудро переплетенных интриг-интересов»¹⁵.

В качестве другой позитивной метафоры часто выступает метафора *строительства*, как в следующем английском примере: «In a speech on Aug. 2, Gephardt accused the administration of unilateralism and warned that it was being isolated in the world. <...> Gephardt declared that Bush had violated “a simple yet profound fact of international relations. One nation, acting alone, cannot possibly build a lasting strategic framework to which all other nations submit”» (В своей речи от 2-го августа Гепхардт обвинил администрацию в односторонней политике и предупредил, что это ведет к изоляции в мире. <...> Гепхардт заявил, что Буш нарушил «простой, но очень важный закон международных отношений. Одна нация, действуя в одиночку, не сможет выстроить долговременную стратегическую линию, которой бы подчинились все остальные нации»)¹⁶.

Однако, несмотря на определенное постоянство набора базовых метафорических моделей (*строительства, организма, войны, механизма* и т.д.), интенсивность реализации той или иной из них меняется в зависимости от политической ситуации в обществе. Так, А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов отмечают значительное снижение частотности военной метафоры, занимавшей главенствующее положение в советском политическом дискурсе (ср. «битва за урожай», «властная крепость», «бастионы права» и т.п.). Исследование этими учеными политических текстов 1990-х годов показало, что по предварительным оценкам военная метафора в думских речах занимает не более 6–7% (против 90–95% в сочинениях Сталина). Анализируя характер используемых политиками метафор, можно сделать выводы об их отношении к различным событиям общественно-политической жизни и решениях, которые они могут принять, так как выбор той или иной метафорической модели отражает выбор способа действия в проблемной ситуации.

Итак, делая предварительные выводы, можно отметить, что метафора представляет собой важный объект исследования в составе политического дискурса. Набор метафор, регулярно употребляемых той или иной общественной политической силой при проведении своей идеологии, может выявить ее истинные намерения и долгосрочную стратегию. Отношение общественного сознания к различным социальным проблемам также проявляется в выборе метафорических моделей, избираемых для описания явлений действительности. Все это делает метафору важнейшим инструментом имиджевых технологий, который наряду с другими используется для достижения основных целей любых правящих структур: удержания власти и обеспечения ее функционирования.

Сопоставительное исследование метафоры политических текстов различных языков представляется интересным с точки зрения выявления



приоритетных установок разных национально-культурных общностей, что может служить улучшению взаимопонимания и межкультурной коммуникации.

Примечания

- ¹ См.: Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.
- ² См.: Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А. и др. *Политический дискурс: методы анализа политической структуры и метафоры*. М., 2004, С. 39.
- ³ Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony*. Cambridge, 1993. P. 245.

- ⁴ Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Русская политическая метафора (материалы к словарю)*. М., 1991. С. 47.
- ⁵ Жизнь за всю неделю. 2007. 19–25 декабря (№51)
- ⁶ New York Times. 1978. November 10.
- ⁷ Sufire W. *Sufire's Political Dictionary*. L.; Oxford. 1990.
- ⁸ Аргументы и Факты (АиФ). 2007. № 51.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Time. 1983. February 21.
- ¹¹ New Scientist. 1986. May 30.
- ¹² Financial Times. 2007. February 6.
- ¹³ Аргументы и Факты (АиФ). 2007. № 51.
- ¹⁴ Newsweek. 2001. June 18.
- ¹⁵ Жизнь за всю неделю. 2007. 19–25 дек. (№ 51).
- ¹⁶ Newsweek. 2001. 10 Sept.

УДК 321.001.5

ФАКТОР СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ (на примере Нагорного Карабаха)

А.Г. Большаков

Казанский государственный университет,
кафедра политологии факультета международных отношений
и политологии
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

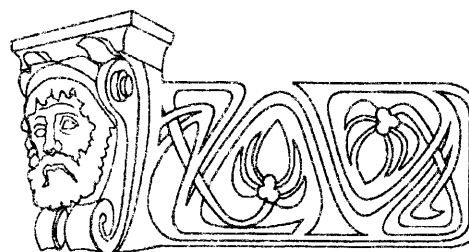
Статья посвящена проблеме непризнанных государств европейской периферии, которые появились в регионе как результат этнических вооруженных конфликтов. Фактор наличия сопредельных территорий имеет двойственное значение. С одной стороны, к сопредельным территориям относится бывшая метрополия, которая мирными и военными средствами пытается вернуть мятежников в юридические границы своего государства. С другой стороны, сопредельные территории являются фактором выживания непризнанного государства, поскольку, как правило, именно внешний ресурс позволяет функционировать их важнейшим сферам.

Adjacent Territory Factor for the Unrecognized States of the European Periphery (with Nagorny Karabakh as an example)

A.G. Bol'shakov

The paper is devoted to the problem of unrecognized states in the European periphery, which have appeared in the region as a result of ethnic armed conflicts. The factor of the presence of adjacent territories has a dual meaning. On the one hand, a former mother country which tries to return the rebels into the legal frontiers of the state by peace and military means falls into an adjacent territory. On the other hand, the adjacent territories are a survival factor of an unrecognized state because, as a rule, it is this external resource which allows its major spheres to function.

Современная актуализация проблемы непризнанных государств поставила перед научным сообществом задачу поиска адекватных



методологических и теоретических подходов к исследованию феномена. Комплексный анализ и прогнозирование развития различных форм квазигосударственных образований на постсоветском пространстве особенно важен для отечественных ученых в определении стратегии национальных интересов России¹.

Теоретико-методологической рамкой исследований непризнанных государств в политической науке может быть институциональный подход в своих современных разновидностях². Как известно, «старый институционализм» прекратил свое существование в 50-х гг. XX века, «новый институционализм» получил свое развитие только через тридцать лет в начале 80-х гг.³ Длительный период «забвения институтов» компенсировался отчасти теорией международных отношений, где господствовал такой методологический подход как реализм, фокусировавший внимание на анализе главного политического института – государства. Национальные (государственные) интересы, борьба за их осуществление – это основа реалистической традиции⁴.

В 1980-е гг. одна из разновидностей институционализма – неинституционализм становится очень популярным. Основные постулаты данного подхода: а) институты рассматриваются как полноправные акторы политического процесса, потому что они имеют свои собственные, особые интересы; б) институты оказывают